

7. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 612 с.

8. Муравьев А.Н. История российской церкви. СПб.: тип. III Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1840 (обл. 1841). 457 с.

9. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический фак. СПбГУ; Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2007. 415 с.

10 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872-1927. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. 1927. ХСVII, 480 с.

ЗАЙЦЕВА Ирина Павловна (Витебск, Республика Беларусь)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
irinazaj91@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В ЛИРИКЕ ЮННЫ МОРИЦ

Аннотация. Статья посвящена анализу с лингвопоэтических позиций системы метафор, функционирующих в стихотворении Ю. Мориц «Меня от сливок общества тошнит!..» (1998). Продемонстрировано, что эта группа тропов, наделённая очевидными индивидуально-стилистическими признаками, является одним из компонентов произведения, в которых наиболее отчётливо воплощается тип поэтического речевого мышления автора, который определяют как семно-семемный. При этом метафорическая система не только задаёт развитие смысла текстовой структуры по двум взаимодействующим линиям, но композиционно организует стихотворение.

Ключевые слова: поэтическое речевое мышление, семно-семемный тип, индивидуально-авторское мировидение, метафора, развёрнутая метафора, смысловое развёртывание, композиционная функция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguopoetic positions of the system of metaphors functioning in the poem by Yu. Moritz “The cream of society makes me sick!..” (1998). It is demonstrated that this group of tropes, endowed with individual-stylistic manifestations, is one of the components of the works, in most cases it is clearly embodied by the type of poetic speech thinking of the author, which is defined as seme-sememe. With this metaphorical system, not only the development of meaning earns, but also the compositionally realized work.

Keywords: poetic speech thinking, seme-sememe type, individual-author’s worldview, metaphor, semantic deployment, tended metaphor, compositional function.

Юнну Петровну Мориц (родилась в 1937 году) нередко называют ныне здравствующим **поэтом-классиком** – что, с нашей точки зрения, абсолютно справедливо. Её поэтическое творчество отличается не только необходимой для истинно талантливой поэзии глубиной, мастерски воплощаемой в словес-

ной форме, но и широким диапазоном жанрово-стилистических форм: от стихотворений для детей, часть из которых, будучи положенными на музыку, стали популярными песнями («Резиновый ёжик», «Большой секрет для маленькой компании» и др.), до глубоко философичной медитативной лирики – размышлений о различных чувствах, состояниях, поступках человека и смысле человеческого бытия, при этом особо – о назначении и сути поэтического творчества и творчества в принципе («Когда мы были молодыми...», «Портрет звука», «Не вспоминай меня. И не забудь...», «Моцарт», «Великих нынче – словно блох в ночлежке...» и мн. др.).

В последние десятилетия в большинстве стихотворений Ю. Мориц отчётливо выражается отношение ко многим весьма распространённым в нашей современной жизни явлениям, которые, по большей части, оцениваются лирическими героями её произведений (безусловно, «с подачи» автора) резко негативно. В статье к юбилею поэтессы (которая – на что многие обращают внимание – нередко иронично именуется себя *поэткой*), отмеченном в минувшем году, Юлия Великанова так определяет основную тематику её произведений последних лет: «В последние годы Юнна Мориц пишет стихи о том, что волнует тех, кто не равнодушен к судьбе России, кто не согласен с идеологией либерализма, кто не считает искусством кощунственные перфомансы, кто не принадлежит к т. н. «сливкам общества». Юнна Мориц – настоящий духовный авторитет для людей совестливых, верующих в Бога, любящих родину» [5].

Среди человеческих пороков, существовавших, безусловно, и ранее, но в постперестроечный период проявившихся наиболее отчётливо, к которым лирические герои поэтессы относятся с особой нетерпимостью, принадлежит *лакейство* – недостойное человека поведение, которое может проявляться во множестве форм. Примечательно, что лексема «лакейство» во всех своих значениях – *прямых* (связанных с весьма распространённой вплоть до первой четверти прошлого столетия профессией лакея) и *переносном* – фиксируется только словарями XX века. В словарной статье «Лакей» «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором отражены нормы литературного языка второй половины XIX века, эта номинация отсутствует; в ней приводится лишь глагол *лакейничать*, соотносимый с появившимся позднее глаголом *лакействовать*, который и послужил основой для образования номинации *лакейство* – обозначения некоего качества человека, обусловли-

вающего соответствующее его поведение: «*Лакейничать*, раболѣпно прислуживаться, стоять въ переднихъ, выжидая приѣма» (в цитате из словаря В.И. Даля сохранена оригинальная орфография) [7: 239].

У лексемы *лакейство* словари XX и XXI веков фиксируют два либо три значения, из которых актуальным на протяжении последних почти 100 лет является лишь одно – интересующее нас в данном случае *переносное*, что подтверждают и пометы, сопровождающие два других значения, в частности помета «устар.» (приводимые далее цитаты расположены в хронологическом порядке – в зависимости от времени выхода словарей): «**ЛАКЕЙСТВО** ... 1. Лакейское занятие, служба лакея (устар.). ... 2. *перен.* Раболепство, пресмыкательство (презрит.) ... 3. собир. Лакеи (устар., редко).» [9: 20]; «**ЛАКЕЙСТВО**...1. *Устар.* Служба, занятие лакея 2. *Презрит.* Раболепство, прислужничество, подхалимство» [4: 486]; «**ЛАКЕЙСТВОВАТЬ** ... (презр.). Вести себя лакеем (во 2 знач.), раболепствовать, угодничать. || сущ. *лакейство*» [10: 396]; «**ЛАКЕЙСТВО** ... 1. Служба, занятие лакея (в 1 знач.). ... 2. *Перен. Презрит.* Раболепство, угодничество, подхалимство. ... 3. *Собир. Устар.* Лакеи» [2: 40]. В толковании интересующего нас значения, в том числе и в отношении пометы, передающей эмоционально-экспрессивную оценку слова (*презрит.*), все словари, как можно убедиться, практически единодушны.

В пространстве поэтического творчества Ю. Мориц понятие *лакейство*, как и многие другие из образно осмысливаемых ею, не только аккумулирует все свойственные ему в языке смыслы, но и обрастает новыми, индивидуально-авторскими, семантическими оттенками. Это можно наблюдать, к примеру, в стихотворении «Так думаю и так я говорю» (1979), начальные строфы которого приводятся далее:

*Ну нет! Молчать, потупив кроткий взор,
Холуйствовать в расчётливой надежде,
Что надоест молоть бездушный вздор
Донельзя развёрщённому невежде, –
Не это ли убийственный позор?*

*Стоять на полусогнутых ногах,
Гасить улыбкой злое раздраженье
В надежде, что в каких-то там веках
Ты отомстишь за это униженье?
Дремучее какое заблужденье!*

*Нет, нет и нет! Взгляни на дураков,
Геройство променявших на лакейство, –
Ни за какую благодать веков
Попасть я не желаю в их семейство!* (выделено мною. –

И. З. [12].

Помимо актуализации языкового значения номинации **лакейство** – ‘раболепство, угодничество, пресмыкательство’ (*стоять на полусогнутых ногах*) в контексте происходит расширение её семантики – в частности, дополнение таким смысловым оттенком, как ‘лицемерие’ (*гасить улыбкой злое раздраженье*); максимальная степень угодничества подчёркивается употреблением разговорно-просторечного глагола *холуйствовать* и т. п.

Резкое осуждение, обличение лакейства во всех его проявлениях остаётся одной из приоритетных тем поэзии Ю. Мориц и на рубеже XX и XXI столетий, и в наступившем XXI веке. Один из исследователей её творчества, Владимир Бондаренко, отмечая это в своей публикации, даже охарактеризовал такую приоритетность как «едкое наблюдение за «лакеизацией» всей числящей себя прогрессивной культуры», воспользовавшись изобретённым неологизмом (**лакеизация**) [6]. Одним из произведений Ю. Мориц, где наблюдения подобного характера получили развёрнутое и, безусловно, отличающееся выраженными индивидуально-авторскими чертами воплощение, является написанное в 1998 году стихотворение «Меня от сливок общества тошнит!..»:

*Меня от сливок общества тошнит!..
В особенности – от культурных сливок,
от сливок, взбитых сливками культуры
для сливок общества.
Не тот обмен веществ,
недостаёт какого-то фермента,
чтоб насладиться и переварить
такое замечательное блюдо
могла и я – как лучшие умы.
Сырую рыбу ела на Ямале,
сырой картофель на осеннем поле,
крапивный суп и щи из топора
в подвале на Урале.
Хлеб с горчицей,*

*паслён и брюкву, ела промокашку,
и терпкие зелёные сливки,
и яблочки, промёрзшие в лесу, –
и хоть бы что!..
А тут, когда настало
такое удивительное время
и всё, что хочешь, всюду продаётся –
моря и горы, реки и леса,
лицо, одежда, небеса, продукты,
включая сливки общества, – тошнит
меня как раз от этих самых сливок,
чудесно взбитых...
Да и то сказать,
от тошноты прекрасней всех мелисса [12].*

Как известно, создание поэтом словесно-художественных произведений, всегда предполагающее – в той или иной степени – эстетически осложнённое использование языковых средств, связано и с особым рода интеллектуальной деятельностью, которая отличается от пользования языком в сфере нехудожественной коммуникации (прежде всего – в так называемом практическом общении), где элементы эстетической функции могут, безусловно, присутствовать, однако приоритетными функциями являются иные: информативная, логическая, фатическая и т. п. (разными исследователями обосновываются различные – как по количеству, так и по названиям – классификации функций языка). Одной из исследовательских дефиниций, которыми определяют эту деятельность, «связанную с его <поэта> способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [1: 297], является терминологическое выражение «поэтическое речевое мышление». Этот феномен у каждого талантливого автора, помимо принадлежности к определённому типу, отличается и индивидуально-стилистическим своеобразием.

И.Я. Чернухина, в работах которой поэтическое речевое мышление получило наиболее системное и развёрнутое описание, полагает, что, оценивая этот феномен с семантико-образных позиций, можно разграничить в нём три конструктивно-семантических типа: *семейный*, *семно-семейный* и *семный*, –

которые дифференцируются по характеру воплощения зачина мысли в речи [11]. В поэзии Ю. Мориц, по нашим наблюдениям, наиболее часто воплощается *семно-семемный* тип интеллектуальной деятельности, проявляющийся «в ослаблении корреляции «семема – лексема – представление», в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, а также получает дополнительные семы. В этом случае целостный художественный образ возникает не из совмещения простых представлений, как при семемном типе, а из интеграции представлений» [1: 299-300]. Одним из наиболее распространённых способов воплощения речемыслительной деятельности поэта данного типа является **метафора**, что подтверждает и приведённое выше стихотворение Юнны Мориц, где именно *система метафор*, наделённая рядом функций, является организующим стержнем произведения, причём как в *семантическом*, так и в *композиционном* плане.

Основой функционирующей в лирической структуре метафорической системы является языковая метафора *сливки общества*, фиксируемая словарями русского языка как фразеологическое выражение или идиома (значки ♦, ◇ используются составителями словарей именно для маркировки такого рода, выражений помещаемых внутри словарной статьи [см., например: 10]): «**СЛИВКИ** ... ♦ Сливки общества (устар. и ирон.) – лучшая часть общества» [10: 896]; «**СЛИВКИ** ... 2. *Перен.* О самой лучшей, отборной части чего-л. ◇ Сливки общества» [3: 207-208]. Примечательно, что один из словарей, изданный в 2011 году, снабжает это выражение пометами «устар. и ирон.», а в наиболее авторитетном на сегодня лексикографическом источнике, «Большом академическом словаре русского языка» (БАС 3), соответствующий том которого вышел в 2019 году, эти пометы отсутствуют. С учётом ироничности, которой отличается стихотворение Ю. Мориц в целом, более уместной в данном случае нам представляется первая из приведённых трактовок.

Заданный в начальной строке текста языковой метафорой смысл далее развивается по двум основным, и при этом взаимодействующим, линиям: авторская трансформация «готовой» метафоры *сливки общества* и актуализация первичных (неметафорических!) значений одного из её компонентов – *сливки*: 1) ‘густой жирный верхний отстой молока’; 2) уменьшительное от *слива* – ‘фруктовый плод с крупной косточкой’. Именно развёртывание текста по второй смысловой линии обеспечивает основу для его заметной «гастрономичности», в русле которой образно конкретизируется авторская концепция:

культурные *сливки* – *блюдо*, которое сложно *переварить* человеку, иначе воспринимающему это явление, и т. п. В результате обозначенного взаимодействия образуются такие тропы, как: *культурные сливки* (эпитет); *сливки, взбитые сливками культуры для сливок общества* (развёрнутая метафора, которая может быть дифференцирована на составляющие: сливки общества; сливки культуры; сливки, взбитые для сливок общества); *всё продаётся ..., включая сливки общества* (развёрнутая метафора, два первых компонента которой существенно распространены); *тошнит меня как раз от этих самых сливок, чудесно взбитых* (развёрнутая метафора).

При этом два первых из указанных тропов находятся в начальной части текста, а два других – в заключительной, что наделяет сформированную в произведении систему метафор и явной *композиционной* функцией: лежащая в основе системы языковая метафора в авторски трансформированном виде присутствует и в начале, и в конце стихотворения, т. е. включается в лексико-синтаксическую фигуру, обозначаемую терминами *композиционное кольцо* или *эпистрофа* [8: 295].

Проведённые наблюдения, которые, безусловно, не претендуют на исчерпывающий анализ оригинального и по смыслу, и по форме стихотворения Ю. Мориц, как представляется, позволяют продемонстрировать очевидную значимость исследования метафор (в данном случае – объединённых в систему) для установления особенностей индивидуально-авторского мировосприятия и мироощущения поэтессы. В перспективе такого рода исследования целесообразно, с нашей точки зрения, осуществить на материале *групп стихотворений*, связанных между собой тематически, периодом создания или какими-то иными свойствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 296-301.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 9. Л–Медь. М.–СПб.: Наука, 2007. 659 с.
3. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 26. Скорее–Сом. М.–СПб.: Наука, 2019. 696 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
5. Великанова Юлия. Важнейшая часть жизни – поэзия. Юбилей русской поэтессы Юнны Петровны Мориц // Pechorin.net. 01.06.2022. [URL]. Режим доступа: <https://pechorin.net/articles/view/vazhnieishaia-chast-zhizni-poezii-iubiliei-russkoi-poetiessy-iunny-pietrovny-morits>. Дата доступа: 25.05.2023.

6. Владимир Бондаренко о поэзии Юнны Мориц: «поэт Большого Стиля» // Vremya.ru. 19.08.2014. [URL]. Режим доступа: <http://books.vremya.ru/main/3839-vladimir-bondarenko-o-poezii-yunny-moric-poet-bolshogo-stilya.html>. Дата доступа: 26.05.2023.

7. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. СПб.–М.: Типографія М.О. Вольфа, 1881. Томъ второй. И–О. 807 с.

8. Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М.: Флинта; Наука, 2007. 312 с.

9. Толковый словарь русского языка: в 4 тт. Гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2. Л–Ояловеть. 1040 стб.

10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

11. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1993. 192 с.

12. Юнна Мориц. Стихи. [URL]. Режим доступа: <https://rustih.ru/yunna-moric/>. Дата доступа: 25.05.2023.

ЗАХАРОВ Руслан Иванович (*Нижний Новгород, Россия*)

старший преподаватель кафедры судебной экспертизы
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
riz1369@mail.ru

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА В ПОЛИКОДОВЫХ КОММЕРЧЕСКИХ НОМИНАЦИЯХ: НА ПРИМЕРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика смыслообразования поликодовых текстов рекламного характера. Показано образование коммерческих номинаций по определённой модели, которая создаётся взаимодействием парадигматических и синтагматических отношений. Модель состоит из вариативного и постоянного компонентов. Последний выполняет основную функцию рекламного текста – формирование положительной оценочности и побуждения к действиям. Этот семантически нагруженный компонент именуется деталью.

Ключевые слова: поликодовый текст, реклама, парадигматика, синтагматика, модель, деталь.

Abstract. The article deals with the specifics of the meaning formation of advertising polycode texts. The formation of commercial nominations according to a certain model, which is created by the interaction of paradigmatic and syntagmatic relations, is shown. The model consists of variable and constant components. The latter performs the main function of the advertising text - the formation of positive appraisal and motivation for action. This semantically loaded component is called "a detail".

Keywords: polycode text, advertising, paradigmatics, syntagmatics, model, detail.